

Е.Н. Шапинская

ДИСКУРСИВНЫЙ ПОДХОД

«Язык с его проблемами, загадками и импликациями, — пишет известный британский литературовед Т. Иглтон, — стал как парадигмой, так и навязчивой идеей интеллектуальной жизни XX века». Действительно, многие теоретические построения воспринимаются сегодня как языковые игры, ими же наполнена литература, в которой ткань интертекстуальности прозрачна в большей или меньшей степени в зависимости от уровня культурного капитала читателя. К анализу текстов культуры мы также можем, с вполне адекватным результатом, подойти через язык, используя методологию дискурсивного анализа, который уже занял свое место в академической практике. Понятия «дискурс» и «дискурсивные практики» занимают значительное место в современном социогуманитарном знании. Основанные на этих понятиях концепции создавали такие известные исследователи, как Ю. Хабермас, П. Рикер, М. Фуко, Р. Барт, П. де Ман, М. Анжено. В отечественной науке оригинальная концепция дискурса была разработана в трудах М. Бахтина.

Понятие «дискурс» многозначно. Оно используется с разными смысловыми оттенками в лингвистике, семиотике, литературоведении, философии, культурологии. Первоначально этот термин применялся в языкознании для обозначения вычлененных по тому или иному принципу речевых единиц. С точки зрения семиотики дискурс может быть определен как «отрезок языка, который может быть представлен на глубоком семантическом уровне как единая системная сеть»¹. В философских исследованиях смысловые границы понятия «дискурс» расширяются. Так, М.Фуко уделяет основное внимание процессу осуществления контроля в обществе и в истории, связанного с его способностью облекать себя в «язык истины, дисциплины, рациональности, утилитарной ценности и знания»². Под дискурсом Фуко понимает именно этот язык во всей его естественности, авторитарности, профессионализме и антитеоретической направленности. Власть дискурса заключается в том, что он одно-

¹ *Leech D. Semantics. Penguin, 1977. P. 284.*

² *См.: Said E. The World, the Text and the Critic. Cambridge, Mass., 1983. P. 216.*

временно является объектом борьбы и тем инструментом, при помощи которого она ведется. Целью дискурса является в этом случае постоянное поддержание самого себя и производство своего материала. В анализе дискурса Фуко подчеркивает условность выделения дискурсивных областей, которые противопоставляют друг другу наука, литература, философия, религия, воображение.

Смещение акцента в исследовательской работе с языка на дискурс связано, по мнению Э. Бенвениста, с общей тенденцией отхода от структурализма, остававшегося в течение нескольких десятилетий ведущим направлением в исследованиях лингвистического и литературоведческого характера. Если «язык», устный или письменный, рассматривался как объективная данность, представленная цепочками знаков, не состоящих в прямой связи с субъектом, то «дискурс» обозначает язык как поле высказываний, предполагающих как субъекта, так и (хотя бы имплицитно) читателя или слушателя. Обращение к дискурсу было не столько инстанцией в борьбе методологических направлений, сколько выражением стремления внести язык литературных текстов в область социальности и, соответственно, в поле действия ее норм и законов.

Этот социально обусловленный характер дискурса подчеркивается в ряде современных направлений исследований культуры. Так, в британских «культурных исследованиях» под дискурсом понимается «социально продуцируемый способ говорить или думать по определенной теме»³. В таком понимании дискурс является социокультурным феноменом, наиболее релевантными характеристиками которого являются: соотношение с определенной областью социального опыта, которую он наделяет смыслами; социальная локализация, в которой возникают эти смыслы; лингвистическая (или какая-либо другая) система сигнификации, при помощи которой эти смыслы продуцируются и циркулируют. Эти характеристики в их взаимосвязи составляют матрицу дискурса, который можно определить как социально локализованный способ придания смысла определенной области социального опыта.

«Тематический» дискурс всегда вписан в дискурсивные практики, которые, в соответствии с принятой классификацией областей знания, можно назвать философскими, литературными, экономическими, историческими, религиозными, психологическими и т.д. Несмотря на тенденцию к междисциплинарности, существующую в современных исследованиях, можно все же выделить ряд дискурсивных практик, обладающих дистинктивными признаками, которые инкорпорируют различные

³ Fiske J. *British Cultural Studies // Channels of Discourse*. Chapelhill, 1987. P. 268.

тематические дискурсы. Анализ таких дискурсивных практик помогает выявить социальные стратегии, определяющие то, каким образом культурные тексты через различные конфигурации на нарративных уровнях способны подражать, отражать, отказываться или даже спорить с социально-нормативными моделями.

В отдельных тематических дискурсах (к примеру, в литературном) существует специфика в репрезентации социальной реальности, семантике, нарративных и риторических приемах. В то же время каждый тематический дискурс является одной из составляющих частей более широкой области социальных дискурсивных отношений. Так, в изучении литературы как социального явления акценты делаются не на эстетические особенности и художественные достоинства текста, а на его роль как проводника социальных стратегий. Этот подход, получивший весьма широкое распространение в последние десятилетия, связан с идеей социального мира как дискурсивного феномена. Культурные тексты рассматриваются как часть социального мира, человеческой жизни и тех исторических моментов, в которых они локализованы и интерпретированы. При таком подходе к любому тематическому дискурсу возникает ряд проблем, которые касаются специфики данной области как вида социального дискурса: какое знание содержит данная область или дисциплина в отличие от текстов, принадлежащих к другим дисциплинам? Каковы достижения данной тематики на рынке «конкурирующих» дискурсивных практик? Эти проблемы и пути их решения разработаны в концепции основателя социального дискурса М. Анжено.

Работая на примере литературы, Анжено вводит литературное знание в широкие социальные проекты, связанные с ролью языка в преобладающих социополитических структурах. Соответственно, литературная критика (или культурологический анализ) ставит перед собой новые задачи, выходящие за рамки литературоведения, поэтики, эстетики или культурологи, и становится, по терминологии Анжено, социокритикой, «школой мысли, которая имплицитно привилегирует литературное знание как активную силу в компендиуме социальных дискурсов»⁴. Тематический дискурс (в данном случае литературный) при таком подходе является частью «универсума дискурса» и должен рассматриваться в сопоставлении со всеми другими дискурсивными практиками. Именно эта тотальность универсума дискурса подчеркивается М. Анжено в его исследовательском проекте анализа социального дискурса. Литература становится всего лишь одной из практик в общей массе литературной про-

⁴ *Angenot M.* 1889: un etat du discours social. Longeuil, 1989. P. 2.

дукции, что показано французским исследователем на примере всего «выхода» дискурсивной продукции французского общества в 1889 г. — литературы, философии, науки, пропаганды и т.д.

Однако это не означает тотализации социального дискурса в ущерб автономности традиции и жанровой структуре отдельных дискурсивных областей, обладающих своей ценностью на «дискурсивном рынке». «Социальный дискурс — это... не простое сосуществование и противопоставление жанров, дисциплин и локальных когнитивных стратегий»⁵. Общее направление социального дискурса связано с идеями, которые так или иначе регулируются преобладающими нормами, определяющими, что можно высказывать, понимать или ассимилировать в «дискурсивном продукте». «Основная функция социального дискурса, связанная с его монополией на репрезентацию, состоит в том, чтобы продуцировать и фиксировать легитимности, валидации, распространение вкусов, мнений, информации. Весь легитимный дискурс вносит вклад в легитимацию практик, способов видения, с тем, чтобы обеспечить себе символическую прибыль»⁶. Социальный дискурс обладает легитимирующей силой, определяющей судьбу текста, который может быть легитимизирован, маргинализован или осужден, лишен права на существование. Маргинализованные или «осужденные» тексты могут нам многое рассказать о социокультурных доминантах того или иного исторического периода, о ценностной динамике, отраженной в изменении статуса текста. В текстах, входящих в область легитимного социального дискурса, наиболее прозрачна саморегулирующая сила системы. В результате при анализе различных текстов, составляющих социальный дискурс, возникает оппозиция «легитимное/ запрещенное». Но эти тексты сами становятся «социофактами», включаются в сеть других дискурсов, расширяют наше представление о различных моделях человеческих отношений, картины мира, социальной реальности и т.п. Сам смысл текста, рассмотренного таким образом, будет гораздо шире смысла, выявленного при анализе традиционными методами, так как он будет порождаться не в самом тексте, а в пространстве окружающих его дискурсов.

Как отмечает еще один представитель «социокритики» К. Дюше, «вокруг текста — некая зыбкая промежуточная зона, где и решается его судьба, определяются новые условия коммуникации и смешиваются два типа кодов: социальный код в форме рекламы и продуктивно-регулятивные коды самого текста как такового». «Реклама» определяет жизнь тек-

⁵ Там же. С. 3.

⁶ Там же.

ста, ограниченную контекстуальной темпоральностью. Многие «легитимные» тексты остаются лишь атрибутами своей эпохи, если их продуктивно-регулятивные коды не способны формировать «подвижные» модели, универсальные для любого социокультурного контекста. Но в любом случае, какова бы ни была судьба текста, он может быть рассмотрен как «социотекст» — «способ рассматривать произведения как языковой факт, имеющий место в рамках социального целого, зависящий от условий своего производства, интердискурсивный по своему положению и историчный по своим прочтениям»⁷. Каждое произведение предстает, таким образом, одновременно как ограниченное своей темпоральностью и универсальное с точки зрения наличия в нем итерации, способности к переходу из одного текста в другой, не зависящей ни от условий производства, ни от исторического прочтения.

Как и в британских «культурных исследованиях», акцент в концепции Анжено делается на социальный контекст, в котором продуцируется дискурс.

Дискурс всегда продуцируется и реализуется в двух основных формах: нарратива и аргументации, которые присутствуют в той или иной форме в различных дискурсивных практиках. Материальным воплощением дискурса является текст, артефакт, который доступен для изучения, анализа, интерпретации, репликации и тому подобных операций. Это «репродуцируемое материальное существование текста» не зависит от воли его создателя, поскольку, «как только текст выходит за пределы одного экземпляра, работа автора выходит в мир и за пределы авторского контроля»⁸.

Текст представляет собой «воплощенный» дискурс или ряд дискурсов, но сознание читателя также представляет собой ряд дискурсов, при помощи которых он осмысливает свой социальный опыт. Таким образом, осмысленное чтение текста происходит в тот момент, когда дискурсы читателя встречаются с дискурсами текста. Это положение может быть применено к любому тексту, хотя некоторые исследователи (к примеру, В. Изер) настаивают на специфике именно литературного текста. Тем не менее, мы трактуем текст расширительно, в той традиции, которой придерживается Д. Морли в своем анализе восприятия телевизионного текста⁹. Чтение становится в таком случае «негоциацией» между социальным смыслом, «вписанным» в программу текста, и зна-

⁷ *Джоше К.* Текст и внетекст // Новое литературное обозрение. № 136. 1995. С. 132.

⁸ *Said E.* Op.cit. P. 32.

⁹ *Morley D.* The Nationwide Audience: Structure and Decoding. L., 1980.

чениями социального опыта его читателей, причем эта негоциация носит дискурсивный характер.

При анализе текстов как реифицированного дискурса необходимо принимать во внимание их двойственное существование — как части породившего их социального контекста и как символического артефакта, подверженного механизмам культурной трансляции. Это требует определения отношения между понятиями «текст» и «дискурс», а также формулировки позиции в одном из наиболее спорных вопросов в современных исследованиях — соотношения понятий «текст» и «произведение».

Понятие текста, так же как и дискурса, является полисемантическим. Оно может относиться к системе абстрактных означающих, представленных релевантными физическими чертами знака. Оно также нередко употребляется синонимично с «произведением». В этом случае литературное произведение может быть названо литературным текстом. В ряде исследовательских направлений, в особенности в литературной структуралистской критике, «текст» в этом значении ассоциируется с особым взглядом на литературу, приобретаая коннотации, отличающиеся от понятия «произведение». «Текст» даже в меньшей степени, чем «произведение», заставляет нас думать о физическом характере знака. Текст можно определить как последовательность знаков, но самым главным является его значение, гетерогенное и неистощимое. Оно не может быть сведено к интенции автора, в нем функционируют многие составляющие, находящиеся за пределами контроля автора¹⁰. В то же время теоретики постмодернизма считают текст постмодернистской категорией, которая вытесняет более раннее понятие произведения¹¹.

Текст инкорпорирует различные виды дискурса, причем это происходит различными способами. Некоторые исследователи прослеживают «археологический» анализ систем дискурса, предпринятый М. Фуко, к тезису, намеченному К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Немецкой идеологии», относительно того, что в каждом обществе производство дискурса одновременно контролируется, организуется, отбирается и перераспределяется в соответствии с определенными процедурами. В этом понимании «дискурс» означает то, что пишется и говорится. Фуко утверждает, что сам факт письма — это систематический перевод властных отношений между контролирующим и контролируемым в «просто» написанные слова. Тексты, согласно Фуко, являются неотъемлемой частью социальных процессов дифференциации, исключения, инкорпорации и управ-

¹⁰ См.: *Барн Р.* От произведения к тексту // *Барн Р.* Избранные работы. М., 1989.

¹¹ *Jameson F.* Postmodernism. L.-N.Y., 1995. P. XVII.

ления. Текст — это «объект-событие», который в процессе копирования, фрагментации, повторения выходит из-под контроля своего производителя. В этом, согласно Фуко, состоит его отличие от дискурса, который одновременно является сражением и оружием, стратегией и шоком, борьбой и трофеем. Исследование текста как дискурса сопряжено с осознанием заключенного в нем конфликта, напряжения между автором и дискурсом, частью которого он является.

Специфика текста в отличие от устных дискурсивных практик состоит в том, что он не «говорит» в обычном смысле слова. Тем не менее, было бы ошибочным противопоставлять «речь, обусловленную ситуацией и референтностью», и «текст как интерцепцию живого существования речи». Эта оппозиция, которую использует П. Рикер при анализе проблемы интерпретации, является лишь условным допущением в целях четкости анализа¹². В речи функция анализа связана с ролью дискурсивной ситуации, находящейся внутри самого языкового обмена. «Идеальное» значение, подразумеваемое говорящим, склоняется к реальному референту. Текст же, хотя и не лишен референтности, для ее актуализации должен быть прочтен и интерпретирован. Соответственно, при текстуальном анализе неизбежно встает проблема чтения и интерпретации.

С семиотической точки зрения идеальный читатель должен полностью разделять текстуальные, лексические, культурные и лексические коды, использованные автором. Именно такого читателя описывает У. Эко в своей работе «Роль читателя», предполагая, что этот читатель говорит, буквально и фигурально, на том же языке, что и автор. При таком подходе интерпретация текста будет наиболее адекватной при максимальном приближении реального читателя к идеальному, т.е. к его овладению авторскими кодами. Это означает контекстуальный тип прочтения текста и понимания заключенных в нем дискурсов — рассмотрение его на фоне социального дискурса своей эпохи, помещение его в парадигматическое отношение с другими дискурсами и т.д. Но, во-первых, такое овладение невозможно целиком, во-вторых, даже в том случае, если читатель овладевает всеми авторскими кодами, теряет смысл коммуникативный аспект чтения, поскольку «не может быть сказано больше ничего нового»¹³. Даже в том случае, если читатель разделяет хронотоп автора, невозможно полное совмещение кодов, что доказывается разноречивыми, зачастую противоположными мнениями о культурных текстах среди их совре-

¹² *Ricoeur P. What is a Text? Explanation and Interpretation // Rasmussen D. Mythic-Symbolic Language and Philosophical Anthropology in the Thought of Paul Ricoeur. The Hague, 1971. P. 138.*

¹³ *Allen R. Reader-Oriented Criticism // Channels of Discourse. P. 89.*

менников. В случае отдаленности во времени и пространстве такое «разночтение» углубляется.

По нашему мнению, «фикциональный» читатель — это не некая гипотетическая личность, а текстуальная позиция, которую сам текст просит нас занять. Поскольку в каждой дискурсивной практике содержатся указанные нами два вида дискурсивности (нарратив и аргументация), в них присутствует не только нарративная структура событий, описание действующих лиц или локализации действия, но и структура норм, ценностей и отношений. Читателя приглашают занять определенную позицию в отношении этих структур, которая является позицией экстратекстуального наблюдателя.

В некоторых дискурсивных практиках такое «приглашение» содержится в непосредственной форме, когда автор о лица героя обращается к читателю, делится с ним своими мыслями и переживаниями, предполагает его реакцию или даже опровергает возможную интерпретацию. Такой прием был весьма распространен в некоторых литературных жанрах, например, в английском романе XVIII–XIX вв. Но и в том случае, когда это приглашение имплицитно, текст стремится смоделировать своего читателя, организуя определенное взаимодействие с ним.

Теория чтения представляется весьма важной при исследовании отдельных тематических дискурсов. Так, в нашем исследовании дискурса любви¹⁴ неизбежно возникали такие проблемы, как адекватность наших представлений о дискурсивном отношении любви. Необходимо было уяснить, воспринимаем ли мы те типы отношений, которые репрезентированы в тексте, или же мы вкладываем смыслы, обусловленные нашим собственным представлением о любви, влияет ли наш собственный жизненный опыт на прочтение литературного текста или же мы приобретаем опыт в процессе чтения. Рассмотренные с точки зрения динамического процесса смыслообразования, дискурсы, инкорпорированные в культурных текстах, позволяют увидеть в них не только часть социального дискурса своего времени (что представляет, скорее, исторический интерес), но и различные типы перехода, итерации, узнаваемые читателем вне зависимости от социокультурных кодов, пронизывающих дискурсивные практики.

При выделении тематического дискурса в тексте, который может представлять собой разнородное интердискурсивное пространство, необходимо учитывать как лингвистические, так и экстралингвистические моменты. «Ни одну разновидность человеческого языка нельзя по-

¹⁴ См.: Шапинская Е.Н. Дискурс любви. М., 1997.

нять, не обратившись к «миру дискурса» (выражение Ч.С. Пирса), иначе говоря, соотношению дискурса и условий его осуществления»¹⁵. Для определения поля тематического дискурса нам необходимо принимать во внимание, что значения и смыслы того концепта, вокруг которого строится дискурс, сохраняют свою значимость в ограниченном дискурсивном пространстве, в «универсуме дискурса», представляющем собой «ряд случаев, в которых мы осуществляем коммуникацию при помощи символов. Для различных универсумов дискурса достаточны различные степени точности... Если термин берется вне универсума, для которого он был определен, он становится метафорой и может нуждаться в новом определении»¹⁶.

Тематический дискурс является для нас адекватным источником знаний о самых различных областях социальной реальности, о социальном мире, который сам представляет собой дискурсивную конструкцию. Основываясь на теории Витгенштейна относительно связи значения слова с его условным использованием в языке, можно говорить о том, что сам дискурс является той средой, в которой формируется познавательная деятельность.

Дискурс, таким образом, является способом познания социального мира, но он, в то же время, есть часть этого мира. Нет такого социального отношения, которое не было бы представлено в каком-либо тематическом дискурсе, представляющем сложную матрицу, состоящую, в свою очередь, из различных дискурсивных пластов. Эта матрица сконструирована на многих уровнях. Если мы возьмем пример литературного дискурса, который является весьма показательным для дискурсивного подхода, то увидим, прежде всего, то, что непосредственно высказывается, разговоры героев. Эти высказывания могут быть прямыми и опосредованными (то, что говорят о них другие персонажи). Затем следует уровень нарратива, «вплетенности» этих высказываний в общее повествование. На этом уровне мы узнаем о контексте высказываний — событиях, действиях, биографических фактах и т.д. Следующий уровень можно назвать рефлексивным, причем рефлексия также бывает разной — то, что думают по данной «теме» (доминанте выбранного тематического дискурса) литературные герои, и авторская рефлексия в виде отступлений, обобщений и т.д. Принято считать, что рефлексия по поводу литературного текста содержится в критике, во «внешнем» метаязыке, отличном от языка литературного текста, который данный метаязык описывает.

¹⁵ *Якобсон Р.* Вопросы поэтики // *Якобсон Р.* Работы по поэтике. М., 1987. С. 81.

¹⁶ *Ogden C.K., Richards I.A.* The Meaning of Meaning. NY, 1968. P. 109-111.

Но литературный текст сам содержит металингвистический комментарий: суждения о своем собственном сюжете, персонажах и процедурах. Он, таким образом, является прескриптивным, содержит в себе и предмет, и оценку, что ведет к определенной идеологической или дидактической позиции текста, выраженной с той или иной степенью присутствия в нем метаязыка. Это относится в равной мере и к драматическим произведениям, где голос автора заменен на голос какого-либо персонажа (вспомним фигуру «резонера») или условной риторической фигуры, подобной хору. Кроме того, тематический дискурс соседствует с другими тематическими дискурсивными пространствами. С развитием культурных форм (к примеру, литературных жанров) возрастает сложность дискурсивной матрицы текста, что приводит к сложности выделения того или иного дискурсивного универсума.

Если мы выбираем для анализа гетерогенные дискурсивные практики (относящиеся к разным культурам, эпохам, жанрам), объединенные общей темой, то они объединены ею как дискурсивной доминантой, но не исчерпаны, представляя собой сложной интердискурсивное пространство. При таком подходе к дискурсу как к набору текстов, объединенных общей темой, необходимо выделить компоненты, составляющие матрицу текста как пространства их сосуществования. Этот процесс может проходить различными способами, в зависимости от исследовательских задач.

В теоретическом анализе текста можно выделить два уровня: тематический и общетеоретический. Большинство традиционных работ критического характера основаны на тематическом подходе, так как критики, по словам автора известной работы о методе деконструкции Дж. Каллера, «предпочитают сильный случай слабому и любят связывать анализируемое произведение с рассматриваемой темой». Это ведет к предположению, содержащемуся в большинстве интерпретаций культурных текстов, что «тема изучаемого произведения действительно определяет значение теоретического дискурса»¹⁷.

В последние десятилетия преобладает иная тенденция прочтения текста с тех или иных теоретических позиций — психоаналитических, феминистских, марксистских, деконструктивистских, вне зависимости от его тематической доминанты. Для теории (имеется в виду теоретический уровень анализа текста) не существует тематических ограничений, так как ее основной задачей является изучение структуры языка и текста вне зависимости от тематики. На первом уровне можно говорить о колоссальном разнообразии тематики культурных текстов, и исследователь

¹⁷ Culler J. On Deconstruction. L., 1983. P. 207.

обычно стремится к выделению отличительных особенностей отдельного текста или группы текстов. На втором уровне теория, содержащая культурные импликации, но выходящая за рамки узко профессионального анализа (литературоведения, культурологии, искусствоведения и т.д.), стремится анализировать те структуры, которые можно считать фундаментальными и характерными. Таким образом, акцент делается на повторе, возврате к сходному, а не на различиях. Анализ второго уровня стремится выйти за рамки тематического анализа, хотя различить эти два уровня в конкретной работе с текстами непросто, так как темы, появляющиеся на том и другом уровне, часто совпадают.

Так, в нашем анализе отношения любви в литературном дискурсе было необходимо сначала выделить любовь как тему литературного и философского дискурса в различных практиках. Этот уровень анализа широко представлен в работах самых разных направлений и выражен в различных попытках классификаций, результатом которых является, как правило, утверждение о неисчерпаемости данной темы. Для результативности анализа необходимо перейти на второй уровень, где исследуемое нами отношение любви выступит как обобщенное понятие для определенного типа социальных отношений. В этом смысле любовь не рассматривалась нами как «тема» в общепринятом смысле, а скорее как способ представления в дискурсе структур социума. Если на первом уровне анализа культурный текст (в данном случае литературный) функционирует как произведение, в своем контексте, то на втором на первый план выходят структурные модели, функционирующие вне зависимости от контекста и носящие подвижный, «итерабельный» характер.

Эти модели обладают определенными характеристиками, которые были выделены нами в применении к дискурсу любви, но могут работать в любом тематическом дискурсе. Прежде всего, это единство нарративной структуры вне зависимости от конкретного социального и культурного контекста. Другой характеристикой является смена акцентов в диахроническом функционировании модели, что делает возможным всевозможные «новые прочтения» вечных сюжетов. Третья характеристика — существование тесных семантических связей с другими дискурсивными областями в синхроническом функционировании модели. Важным является также способность итерабильной модели функционировать в рамках социального дискурса любой историко-культурной формации. И, наконец, такие модели носят знаковый характер. Именно последняя характеристика наилучшим образом объясняет подвижность в значении итерабильных моделей при сохранении глубокой структуры. Значение

никогда не идентично само с собой, представляя результат процесса разделения знаков.

Условием этой не-идентичности является повторяемость знака: «Мы не назовем знаком маркер, который встречается всего лишь раз. Тот факт, что знак может быть репродуцирован, является частью его идентичности, но он также разделяет его идентичность, поскольку он всякий раз репродуцируется в ином контексте, что изменяет его значение»¹⁸. В этом смысле мы никогда не дойдем до первоначального контекста, встречаясь со знаком в самых различных окружениях, где он должен поддерживать определенное постоянство, чтобы быть идентифицируемым. Однако ни один контекст не является абсолютно одинаковым, идентичным самому себе. Кроме постоянной изменчивости контекста, необходимо учитывать различные типы итерации, основными из которых, согласно Дж. Каллеру, являются имитация, цитирование, искажение, пародия.

При тематическом дискурсивном анализе культурного текста неизбежно встает вопрос относительно того, насколько правомочно делать вывод о различных аспектах социальной реальности по ее представленности в дискурсивной среде. При решении данной проблемы необходимо расширить рамки нашего исследования и обратиться к еще одной важнейшей проблеме, касающейся отношений между «словами и вещами» и правомочности вычленения из изучаемого текста определенного тематического дискурсивного пласта, — к проблеме мимесиса и репрезентации. Кроме того, неизбежно обращение и к проблеме знака, что приводит нас в область семиотики. Весьма плодотворным представляется и обращение к стратегиям деконструкции, позволяющее пролить свет на маргинальные или выведенные за скобки традиционных исследований аспекты культурных текстов. Таким образом, дискурсивный анализ является комплексным, междисциплинарным методом исследования культурных текстов, который зачастую раскрывает новые смыслы хорошо знакомых текстов. Автор имел возможность убедиться в плодотворности дискурсивного анализа, исследуя репрезентацию отношения любви в литературном дискурсе. Этот метод может считаться адекватным и для изучения других культурных текстов, что ведет к более глубокому пониманию как современной социокультурной реальности, так и обогащает наши историко-культурные знания.

¹⁸ *Eagleton T.* The Literary Theory. P. 129.